

Его время будет всегда

Литературная газета, — 1998, — 12 авг. — с. 9

МЫ ПРОЩАЕМСЯ с Альфредом Шнитке, говорим ему последнее "прости", но я убежден в том, что это прощание условное и что мы еще много-много раз на протяжении наших жизней, кому сколько отпущено, будем продолжать разговаривать с Альфредом, обращаясь к нему душою и помыслами, ища его ответа, совета, его строгого и всегда доброжелательного суждения.

Потому что Альфред Шнитке был нашей совестью как в искусстве, так и в жизни.

Мне выпало великое счастье на протяжении нескольких десятилетий дружить и сотрудничать с этим необыкновенным человеком и несравненным Мастером.

Почти все свои фильмы я сделал в соавторстве с Альфредом Шнитке, начиная от "Стеклянной гармоники", где главным действующим лицом была сама музыка, сочиненная им, и кончая "Школой изящных искусств". Я не буду говорить о том, какой школой для меня была эта совместная работа: творческая фантазия А. Шнитке воистину не знала границ, а профессиональная техника, именно техника, была настолько виртуозна, что ее самое можно было рассматривать как произведение искусства.

Вот почему уже во время болезни Альфреда, лишившей его дара речи, я, зная, что ему разрешено смотреть видео, мучил его просмотром моих работ: для меня кивок его головы, движение глаз или улыбка значили больше, чем отзывы всех на свете зрителей, не говоря о профессиональных критиках.

И хотя последние годы мы были в разлуке и все мы знали, как тяжело он болен, пока его дыхание было растворено в воздухе нашей эпохи, наши жизни были согреты этим дыханием и освещены этим разумом.

Для меня всегда было большой честью, когда Альфред просил меня принять участие в его творческих вечерах.

Чаще всего я вспоминаю один из таких вечеров (он проходил в Союзе кинематографистов), когда в заключе-

ние Альфред вышел на сцену и сказал всего одну фразу. Он сказал: "Спасибо вам, что вы пришли на эту встречу, пожертвовав для этого самым дорогим, что у нас есть, — своим временем".

В этой фразе для меня весь Шнитке. Не только как человек невероятной скромности, граничившей с застенчивостью.

Так сказать мог только человек, чье время, физическое время, совпадает с вечностью.

Шнитке так полно выразил свое время лишь потому, что оно переживалось им постоянно именно в соотношении с вечностью.

Как-то, в концерте, слушая одно из его сочинений, я вдруг с пронзительной ясностью представил себе картину последних дней Спасителя и всех его мук на крестном пути. После концерта я сказал об этом Альфреду. Он улыбнулся своей обычной улыбкой — а надо сказать, более светлых глаз, особенно когда они смеялись, природа, по-моему, не создавала — и сказал: "Именно это я и имел в виду..."

Я думаю, что почти каждое сочинение А. Шнитке имеет в основе своей этот сюжет — речь идет не о программности музыки, а о том, что композитор говорил на своем языке всегда о самом главном: о жизни и смерти, о любви и предательстве, о страдании и жестокости, о великом подвиге искупления наших грехов и о том, что "ход веков подобен притче и может загореться на ходу..."

Вот почему уроки и заветы, которые оставил нам великий Мастер, так полно совпадают с тем, о чем говорится в Святом Писании...

Вот почему путь Альфреда Шнитке, пройденный им у нас на глазах — от первых концертов, на которые собиралась горстка друзей да несколько десятков студентов и любознательных музыкантов-специалистов, до всемирного триумфа, — этот путь оказался столь стремителен и столь, несмотря на все страдания, выпавшие на его долю, — победителен.

Сейчас появятся, уже появились люди, которые будут утверждать, что

музыка Шнитке близка и понятна миллионам слушателей.

Я думаю, что это не так. Но что величие этой музыки, думаю я, как раз в том и состоит, что она бесконечно притягивает своей неразгаданностью, способностью всякий раз открываться по-новому и, как всякое глубоко нравственное и глубоко жизненное явление, существовать в своем непрекращающемся развитии. Вот что означает для меня жизнь музыки в веках.

Век будет развиваться, и музыка Шнитке будет разворачивать все новые и новые свои качества вместе с ходом веков.

Не часто Господь посылает на землю таких людей.

Николай Васильевич Гоголь сказал как-то о Пушкине: Пушкин — это русский человек в своем развитии, каким он явится через двести лет.

Понятно, что это художественный образ, и было бы ужасно, если бы все наши сограждане, от членов правительства до киллеров, восприняли это на свой счет.

Но в том, что пророчество Гоголя сбылось хотя бы в единичном случае, я лично не сомневаюсь.

Я мог убедиться в этом еще во время нашей совместной с Альфредом многолетней работы над пушкинскими фильмами.

И здесь я имею в виду не только масштаб творческого гения.

Но это удивительное сочетание детского простодушия и мудрости, всегдашней душевной открытости и в то же время высшей сосредоточенности, веселья и скорби, великого дара импровизации и снайперского расчета в работе, легкости во всем и в то же время — неукоснительной дисциплины.

Готовность всегда прийти на помощь другу, умение порадоваться за

друзей может подтвердить каждый, кто, как и я, имел счастье дружить с Альфредом Гарриевичем...

Спасибо тебе, дорогой друг, за все, чем ты так щедро одаривал нас при жизни, за то, что сделал для нас, и

не только для нас, но оставил на все времена. И да упокоит Господь со святыми твою великую, твою многострадальную и светлую душу.

Андрей ХРЖАНОВСКИЙ

